Солженицын Игнат

8.6.95.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

Игнат Солженицын:

Комс. правда. – 1995. – 8 июня.

"Самое трудное - не затмить простоту"

ТОЛЬКО У НАС

Только что в Питере и в Москве прошли концерты Игната Солженицына. После одного из них Игнат, который крайне редко дает интервью, согласился ответить на вопросы нашего корреспондента.

- Игнат, вспомните трогательную или забавную историю из детства, которая красноречиво говорила бы о вашем будущем пристрастии к музыке.

- В 1976 году мои родители переехали из Швейцарии в США, в Вермонт, где купили дом, и там среди прочей мебели был маленький кабинетный рояль. Я все время вокруг него вертелся и что-то пытался подбирать. А у папы с мамой еще в России было много примеров - просто друзей, знакомых, когда родители усиленно заставляли своих детей учиться музыке, хотя те этого абсолютно не хотели. В этом плане у моих родителей сложилось почти предубеждение, во всяком случае идеи учить детей музыке не было.

Но так случилось, что в один из своих редких визитов промелькнул Мстислав Леопольдович Ростропович - буквально на несколько часов... И он, слыша, что я что-то там за роялем делаю, сказал, что этого ребенка надо учить. Ростропович сказал и уехал. Я еще промыкался года полтора, так что мои первые серьезные уроки начались в девять лет, очень поздно. Ведь многие начинают в четыре, даже раньше.

Это были частные уроки сначала у одной кореянки, потом у Луиса Баже, ассистента Рудольфа Серкина. Время от времени я играл и самому Серкину, что было совершенно замечательно. Затем я поехал в Лондон, специально чтобы заниматься с выдающимся педагогом Марией Куро. Любимая ученица Шнабеля в 30-е годы, она преподает в Лондоне уже тридцать лет. Она меня по-настоящему научила тому, что такое пианизм. После Лондона - консерватория в Филадельфии, институт Кермиса, по двум факультетам - фортепиано и дирижирование. Вот, собственно говоря, мое образование.

- Человек, посвятивший себя музыке, как правило, недобирает детства, с какого-то момента юное дарование лишается простых ребяческих радостей и утех. Чем вы компенсировали жертвы такого рода?

- У меня их не было. У нас в семье другой климат. Я думаю, для любого ребенка иметь нормальное спокойное детство очень важно. Со стороны родителей была поддержка, особенно с того момента, когда они поняли, что музыку я очень люблю и не могу без нее жить, - но никогда не было давления. У нас литература, поэзия, философия, история - все это считалось очень важным. Как вы знаете, есть масса музыкантов, которые не интересуются другими видами искусств и даже жизнью - что в мире происходит...

- Вы интересуетесь?

- Очень интересуюсь.

- Какие книги читали в детстве?

- Ой, очень много читал - лет с трех. В 7-8 лет прочитывал большие романы - Дюма, Жюля Верна... потом Диккенса, Толстого. Сначала только на русском. С шести, как пошел в школу, на английском, а потом и на французском, итальянском. По-французски читаю много, хотя и знаю его не так хорошо, как английский.

- Музыкальные пристрастия. Кто "ваши" и "не ваши" композиторы?

- Если мне не нравятся произведения какого-то композитора - мы говорим о признанных именах в истории музыки, - то я предпочитаю винить себя. У меня уже было несколько случаев в жизни, когда я не понимал, не любил, равнодушно относился к какому-то композитору... Чаще всего перемена происходит на концерте, во время исполнения великим артистом, великим художником, вдруг для меня открывается мир этого композитора, как это было с Брукнером. Или вот Дебюсси я не понимал подростком...

Я считаю, что есть большая доля дерзости у человека, который смеет выходить на сцену и объяснять публике: Бетховен имел в виду это, Шуман имел в виду это... Если я смею выходить на сцену и раскрывать эту музыку другим людям, то я должен быть глубоко убежден в ее ценности и должен ее глубоко любить, чтобы раскрыть те тайны, которые там есть.

- Что вам важнее - самовыражение или общение с залом? Для кого вы вообще играете - для профессионалов или для широкой публики?

- В 1990 году я имел счастье присутствовать на концерте Рихтера в Лондоне. Это было в первый раз, когда я слушал его вживе. Как вы знаете, Рихтер теперь играет по нотам, чтобы не ограничивать себя количеством репертуара. Зал Royal Festival Hall - три тысячи мест - естественно, набит битком. Полная темнота, кроме маленькой лампочки над роялем. Совершенно электрическая атмосфера еще до концерта. Входит Рихтер, садится, играет. Соль-мажорная соната Шуберта. Одно из величайших произведений во всей музыкальной литературе. Концерт был абсолютно феноменальный, просто не поддается словам. Но вот что я больше всего запомнил: ощущение, что Рихтера в зале больше нет. Или даже если он есть, то это самое неважное звено. Я очень четко ощущал присутствие композитора в зале: есть Шуберт. И я чувствовал себя частью огромной публики, которая общалась с Шубертом. Это парадоксально: человек, который это волшебство сотворил, как бы растворился! Я этого никогда не забуду, для меня это идеал цели интерпретатора на сцене.

Это самое трудное, мне кажется, не затмить простоту. Почему так трудно играть Моцарта или Шуберта? Порой кажется, что это ребенок сочинил. Действительно, Моцарт, наверное, ребенком и сочинял!.. Чуть-чуть добавишь "выразительности" - и все сразу разрушается.

- Основная черта вашего характера?

- В жизни, и особенно в музыке, я понимаю, что совершенства достичь невозможно, но я к нему все время стремлюсь, и это меня делает не самым счастливым человеком.

- По меркам Запада вы - состоятельный человек?

- Нет. Но уже два-три года, как я способен себя прокормить.

- Как вы видите свою дальнейшую судьбу?

- Очень трудно загадывать, но я думаю, что в Россию обязательно вернусь. Сейчас это невозможно. Я связан определенными профессиональными обязательствами в Западной Европе и США, а живя в Москве, я не мог бы выполнять все концертные контракты на Западе, а я на них живу. В России музыканту трудно жить.

- Здесь трудно жить всем.

- Согласен. Но одно дело, его бы хотелось в идеале, другое - как жизнь развивается практически. Как бы все пошло, если б отца не выгнали из страны и если бы у меня фамилия была не Солженицын, а Иванов, кто знает?

- Вы думаете на эту тему?

- Нет. Потому что я настолько привык к своему имени, настолько им горжусь, горжусь отцом, примером его жизни, что нет, над этим я не задумываюсь... С точки зрения своей карьеры, я уже долгое время ощущаю, что плюсы и минусы этого имени уравновешиваются.

- Чем занимаются ваши братья?

- Старший, Ермолай, ему скоро 25, живет в Тайване, он китаевед. Младшему, Степану, 21, он градостроитель.

- Как вы расслабляетесь?

- Я никогда не путешествую для отдыха, мне это ненужно, потому что я и так все время разъезжаю. Когда перерыв в концертах, я предпочитаю уединиться и читать. На чтение, увы, остается мало времени.

- Для вас ваш талант - Божий дар!

- Да, я к нему отношусь очень серьезно. Не мне судить, какой он величины, но какой бы он ни был, мне совершенно ясно, что талант - это и обязанность, и долг, который надо исполнить. Не нужно быть религиозным человеком, чтобы осознать мудрость притчи о талантах. Ясно, что дело не в том, какой у тебя талант, а что ты с ним сделал.

Гузель АГИШЕВА.